



МЕДИА- И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Материалы
Международной
научно-практической
конференции



Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН

МЕДИА- И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

**Материалы
Международной
научно-практической
конференции**

15–18 октября 2014 года

Ставрополь

ББК 63:76.0:81:87.7
УДК 004:070:130.2:314.7(091)
М 32

Ответственные редакторы: **О.И. Лепилкина**, доктор филологических наук, профессор;
С.В. Серебрякова, доктор филологических наук, профессор.

Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте:
материалы Международной научно-практической конференции (15–18 ок-
тября 2014 г.) / отв. ред. О.И. Лепилкина, С.В. Серебрякова. — Ставрополь:
Изд-во СКФУ, 2014. — 400 с.

ISBN 978–5–9296–0680–9

Сборник представляет материалы Международной конференции, изложенные в восьми тематических разделах. Материалы представлены в формате научных статей, тезисов или резюме докладов на русском, немецком или английском языке.

Работы российских и зарубежных ученых отражают широкий спектр проблематики по политической коммуникации, интернет-коммуникации, миграции, интеркультурности и медиа, духовно-нравственным ориентирам современных медиа, русско-европейским связям в культуре, динамическим процессам языка масс-медиа, гармоничной межкультурной коммуникации, переводу как способу взаимодействия культур.

Адресован ученым-гуманитариям, преподавателям, журналистам и переводчикам, студентам факультетов и отделений журналистики, филологии, перевода и переводоведения, а также все интересующимся историей и современным состоянием медийной и межкультурной коммуникации.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

ББК 63:76.0:81:87.7
УДК 004:070:130.2:314.7(091)

ISBN 978–5–9296–0680–9 © Коллектив авторов, 2014.
© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014.



«среда», который представляет более высокую степень абстракции, и его составляющие – суть понятий «настроение», «время», «пространство».

В работах Бергсона понимание *среды* коррелирует с понятием *материя* (*виртуальная – длительная*) и понятием *жизненное пространство*, рассматриваемое в аспекте *длительности*.

В концепции интуитивистов «среда» выражен в оппозиции *идеального* и *реального бытия*. Термином *идеальное бытие*, в платоновском смысле этого термина, он обозначает все то, что не имеет ни пространственного, ни временного характера. Все явления, то есть что дано в форме времени или пространства, Лосский называет *реальным бытием*. Реальное бытие может возникнуть и получить систематический характер только на основе идеального бытия. Для того, чтобы подчеркнуть эту сторону своего мировоззрения, Лосский называет свою теорию *идеальным реализмом* [8, с. 324]. Термин *идеальный реализм* семантически близок к некоторым современным концепциям импрессионизма, который некоторые исследователи рассматривают как «наивысшее, идеальное развитие линии реализма в искусстве».

Эпистемологическое пространство импрессионизма как языка культуры охватывает приблизительно вековой период формирования и развития данных идей. Реализовавшись в живописном, скульптурном, музыкальном и литературном тексте, импрессионизм получает свое обоснование и осмысление в философских трудах интуитивистов. Исследования, посвященные творчеству импрессионистов, тексты современных Чехову исследований позволяют определить главные концептуаль-

ные понятия импрессионизма как языка культуры: «настроение», «время» / «пространство», «среда», — а также их особое осмысление в импрессионистской эпистеме. В текстах художников, музыкантов, писателей, созданных в эстетике импрессионизма, данные концептуальные понятия составляют основные семантические узлы текстового пространства и находят выражение посредством той семиотической системы, которой пользуется автор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.
2. Блаудберг В.И. Предисловие // Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1996. – Т.1. – С. 6–24.
3. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. – Калининград, 1999.
4. Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М., 2000. – С. 93–191.
5. Кулиева Р.Г. Реализм А.П. Чехова и проблема импрессионизма. – Баку, 1988.
6. Лаврова С.Ю. Перцептивные образы в концептуальном контексте оценки // Лингвистическая семантика-2: Межвузовский сборник научных работ. Выпуск II. – Череповец, 2001. – С. 71–82.
7. Левик В. Поэты эпохи импрессионистов // Импрессионисты, их современники, их соратники. Живопись. Графика. Литература. Музыка. – М., 1975. – С. 223–253.
8. Лосский Н.О. Избранное. – М., 1991.
9. Тмарли Г.И. Темпоральные структуры пьес А.П. Чехова (в свете философии времени А. Бергсона) // Творчество А.П. Чехова (Поэтика, истоки, влияние): Межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог, 2000. – С. 19–28.
10. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М., 1977.
11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М., 1971.
12. Чурилина Л.Н. Автор – концепт – текст: к вопросу о принципах организации лексического уровня художественного текста // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2001. – С. 342–349.
13. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993.
14. Энциклопедия импрессионизма и пости импрессионизма. – М., 2000.

Вячеслав Вениаминович Шевцов [Viacheslav Shevtsov]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ГАЗЕТ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)*

INTERNATIONAL AGENDA IN SIBERIAN OFFICIAL NEWSPAPERS (THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX C.)

В статье представлены результаты исследования отражения зарубежных событий в губернских ведомостях Сибири в XIX – начале XX в.

The article deals with the study of international agenda as covered in Siberian regional bulletin in XIX – the beginning of XX c.

Ключевые слова: губернские ведомости, внешнеполитические события, отдел иностранных известий.

Key words: regional bulletin, foreign-policy developments, international news.

Появление в Сибири в 1857 году первых официальных массовых газет – губернских ведомостей способствовало расширению информационного пространства региона и его вовлечению в событийный

ряд большого мира. Первый обзор международных событий, который вел чинов-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ №14.B25.31.0009)

ник Н.И. Виноградский, появился в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858 г. Так, например, в одном из номеров сообщалось о предстоящей крестьянской реформе, о ходе Парижского конгресса и об открытии судоходства на Амуре [1. 1858. № 34. 29 авг.]. Однако в 1858 г. вышло всего три выпуска обзора, и только в 1870 г. отдел иностранных известий вновь появился в «Томских губернских ведомостях», в связи с начавшейся франко-прусской войной. № 31 от 8 августа 1870 г. содержал перепечатку телеграмм из «Правительственного вестника» (начавшего выходить с 1869 г. вместо официальной «Северной почты») о событиях июля 1870 г. от Эмской депеши до объявления Францией войны Пруссии [1. 1870. № 31. 8 авг.]. С № 32 к этим перепечаткам добавились еще более оперативные телеграммы Русского телеграфного агентства (РТА) (сеть отделений агентства при редакциях местных ведомостей стала создаваться с 1866 г. [3. Л. 3–4]). Начав чтение № 34 с телеграмм «Правительственного вестника», можно было узнать о поражениях французов при Верте, а на последней странице, где размещались телеграммы РТА, уже сообщалось о пленении Наполеона под Седаном, движении немцев на Париж и о провозглашении в нем республики. Таким образом, томский читатель информировался о последних событиях в Европе, коренным образом менявших в ней расстановку политических сил. Надо сказать, что и современного читателя, уже знающего, чем окончилась «борьба двух величайших держав Запада», эти on-line сообщения захватывают и создают ощущение причастности к живой, на глазах свершаемой истории. Если в первое время преобладали телеграммы из Берлина и других немецких городов, готовых дать отпор воинственным приготовлениям Наполеона III, то с первыми победами прусской армии сочувственная тональность сместилась в сторону Франции. Чтобы помочь читателю разобраться в происходящих событиях и сделать это в определенном русле, с 1871 г. в томской официальной газете была открыта рубрика «Заграничные известия. Общее обозрение», также перепечатываемая из «Правительственного вестника». В ней содержались аналитические выкладки и комментарии по поводу лишения папы светской власти, сдачи Парижа, Лондонской конвенции, положения Франции после подписания мира и т.д. Лояльное отношение к свержению

монархии и установлению республиканской формы правления контрастировало с описанием Французской Коммуны («роковой день 18 марта», «самозванное правительство», «мятежные вожди красных», «гибельная анархия» и т.д.). После окончания войны и революции рубрика продолжала информировать читателя и высказывать предположения о дальнейших событиях в Европе и в мире. До № 29 от 24 июля 1871 г. она выходила в каждом выпуске неофициальной части, затем только эпизодически и, наконец, к концу 1871 года исчезла.

Близость большой политики в большей степени ощущалась в Восточной Сибири, которая являлась еще осваиваемым пограничным регионом, в котором генерал-губернаторская власть была призвана не только управлять двумя крупнейшими губерниями – Енисейской и Иркутской, но и представлять стратегические интересы всей Российской империи в отношениях с восточными соседями, руководить укреплением новых границ и содержать войска в повышенной боевой готовности. В неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–58 гг., в связи с описанием перспектив освоения Амура, образ динамичного будущего региона создавался посредством сопоставления топонимов Сибири с более успешными «брендами» Старого и Нового света, характеризующими демократическим политическим устройством и свободой предпринимательства – Забайкалье / Швейцария [3. 1857. № 9. 11 июля], Енисей / Лена / Миссисипи, Амур / река Св. Лаврентия [3. 1857. № 11. 23 июля], Иркутск / Нью-Йорк [3. 1857. № 1. 16 мая], Амур / Миссисипи [3. 1858. № 28. 10 июля]. Военный инженер Д.И. Романов изложил обстоятельный проект железной дороги от Амура до залива де-Кастри на Японском море (1858, № 38, 18 сент.; № 40. 2 окт.) и проект русско-американского телеграфа через Аляску, для противостояния «усилению английского всемирного господства, грозящего уже поглотить Китай» [1859. № 4. 22 янв. – № 8. 19 февр.]. Однако все эти «предложения с мест» не имели практических последствий.

В статье «Несколько мыслей о Сибири», автором которой был ссыльнопоселенец М.В. Петрашевский, утверждалось, что Сибирь призвана выполнить культуртрегерскую роль в отношении народов Азии: «Сибирь, по положению своему призвана добыть нам диплом на звание народа истинно европейского!» [3. 1859. № 9. 11 июля]. Такая задача для «русского в Сибири или Сибиряка» могла решаться «мыслящей частью населения этой страны», препятствиями же к этому были слабое развитие образования, административно-бюрократические методы управления, неразвитость общественной жизни. В описаниях иркутской газетой зло-



употреблений местных чиновников действующие лица иносказательно именовались титулами родовой знати у бурят и маньчжуров: зайсаны и шуленги – служащие волостного правления, тайша – волостной голова или исправник, мандарин – губернатор. Исключение в этой номенклатуре, составило наименование полицейских «альгавазилами» (принятое в Испании, с намеком на инквизиторское прошлое этой должности). Таким образом, если до официального присоединения Приамурья топонимика Восточной Сибири сопоставлялась с западной как возможной целью будущего развития, то с его включением в политическое и экономическое пространство Российской империи возобладала «китайщина» как синоним всего темного, застойного и бесправного применительно к политическим и экономическим порядкам не только у восточных соседей, но и в самой Азиатской России.

В связи с начавшимся в 1863 г. польским восстанием «Иркутские губернские ведомости» поместили «Всепогодданнейшее письмо от иркутского городского общества», которое выражало готовность «принести на алтарь отечества нужные для спасения достоинства и чести его жертвы» [3. 1863. № 33. 17 авг.]. В июле Россия ответила Франции и Англии отказом созвать общеевропейскую конференцию по польскому вопросу и перед угрозой новой большой войны в стране начался патриотический подъем. В «Иркутских губернских ведомостях» были опубликовано «Всепогодданнейшее письмо граждан города Троицко-Савска и слобод Кяхты и Усть-Кяхты», а также обращение ламаистского духовенства Восточной Сибири к Александру II, (которое «с ужасом узнало о коварной измене, на крайнем западе Твоего царства, подданных Твоих поляков...» [3. 1863. № 41. 21 сент.]. Селенгинские бурят-монголы предлагали употребить для подавления польского мятежа оружие, хранимое ими «для истребления диких зверей» (3. 1863. № 46. 16 нояб.].

Не осталась Сибирь и в стороне от патриотического подъема, охватившего страну с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так, с июня 1877 г. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» сообщалось о ходе военных действий на дунайском и кавказском театрах. В редакции газеты была открыта подписка на прямое получение правительственных телеграмм из действую-

щей армии с платой 1 руб. в месяц для томичей и 1 руб. 50 коп. для иногородних. Для того чтобы следить за ходом военных действий, читателям за небольшую плату предлагалось приобрести общую карту Балканского полуострова и карты отдельных балканских стран (1. 1877. № 25. 25 июня). Уже в 1876 г. в «Томских губернских ведомостях» появились сообщения об отправке средств в пользу жителей Боснии и Герцеговины, а затем в адрес Славянского благотворительного комитета. В 1877 г. в Томске и других городах губернии был организован сбор пожертвований в пользу раненых русских солдат и их семей. Впервые в черно-белой газете был использован цвет – красный крест предварял обращение Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах к населению с призывом о пожертвовании перевязочных средств [1. 1877. № 39. 1 окт.] В статье по поводу собрания членов Барнаульского комитета Общества говорилось, что «минувшая русская народная война была и будет эпохой в жизни г Барнаула и всего Алтайского округа <...> Если в наших столицах светло праздновались знаменитые геройские победы наши, то с не меньшим ликованием и радостью спешили в церковь на призыв соборного колокола, возвещавшего падение Плевны, и жители г Барнаула, неся в кружку на больных и раненых воинов свою трудовую копейку» [1. 1878. № 17. 6 мая]. Откликнулась далекая от черноморского побережья Сибирь и на призыв верховной власти к сбору средств на создание «добровольного флота» ввиду возможной войны с «царицей морей» [1. 1878. № 17. 30 апр. – № 23. 11 июня].

С появлением и развитием частной сибирской периодики (в 1873–1887 гг. в Иркутске выходила газета «Сибирь», в Томске, в 1881–1888 гг. – «Сибирская газета») официальные газеты, чтобы выдержать конкуренцию, стремились к расширению своей программы для придания газете универсального характера. Обязательным условием этого был раздел международных новостей. В 1882–1883 гг, когда редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» был Е.В. Корш, ставший агентом новооткрытого Северного телеграфного агентства (СТА), телеграммы о международных и общероссийских событиях занимали первые страницы газеты. При этом читатели губернских ведомостей, выходивших в четверг, могли ознакомиться с последними зарубежными и столичными известиями раньше – «Си-

бирская газета» выходила по воскресеньям. Основными ньюсмейкерами выступали европейские государства. Наибольшее количество сообщений в 1882–1883 г. касалось положения Турции и Египта во время англо-египетской войны – 261, далее следовали телеграммы из Франции (246), Великобритании (152), Австрии (132), Германии (96).

В 1900–1902 г. по расширенной программе выходили «Енисейские губернские ведомости», а в 1900–1908 г. – «Иркутские». В освещении международных событий «Енисейские губернские ведомости», как и большинство русских газет, внесли свой небольшой вклад в поддержании англофобских настроений как реакции русского общества на англо-бурскую войну, в которой все симпатии были на стороне «мужественных» и «отважных» буров, а англичане упрекались в бессердечии, жестокости и приверженности во внешней политике грубой силе капитала. О неудачах и пошатнувшемся международном престиже Великобритании сообщалось с нескрываемым сарказмом (в том числе, и с помощью анекдотов), а о неравной борьбе за свободу и независимость южно-африканских республик говорилось с восхищением (что было несколько неожиданно для унитарного монархического государства). События в Южной Африке освещало агентство Рейтер, которое обвинялось в искажении и сокрытии информации, для чего сообщения английской стороны приходилось читать между строк.

Восстание ихэтуаней 1900–1901 г., интервенция европейских держав и ввод русских войск в Маньчжурию освещались с помощью телеграмм РТА, перепечаток из центральных газет и собственных передовых. Для наглядной иллюстрации описываемых событий приводилась карта Дальнего Востока [4. 1900. № 61. 17 июня]. В соответствии с официальной позицией, главной задачей русских войск называлась безопасность собственных границ, а дипломатии – сохранение территориальной целостности Китая и противостояние Японии [4. 1900. № 108. 5 окт.] Мобилизация войск Приамурского военного округа и близость Иркутской губернии к происходившим событиям ставили перед «Иркутскими губернскими ведомостями» задачу оперативного ознакомления населения с положением дел на русско-китайской границе и в Пекине. В специальных рубриках «Внешние известия», «Вести с Дальнего Востока»,

«К событиям в Китае» рассказывалось о действиях войск коалиции, предложениях русской дипломатии об урегулировании «китайского вопроса», положении христианских миссионеров, русских экономических и военно-политических интересах в регионе. Поворот к Востоку в российской внешней политике обусловил интерес к жителям Серединной империи – в «Иркутских» и «Енисейских губернских ведомостях» стали размещаться статьи о близлежащих китайских провинциях, о характере китайцев, их истории, религии, вооруженных силах.

С началом русско-японской войны жанр военной хроники и аналитики стал преобладающим в международном отделе «Иркутских губернских ведомостей». «События, происходящие на Дальнем Востоке, отодвинули как-то на задний план все местные вопросы, в свое время волновавшие общество», – так писал редактор газеты А.И. Виноградов в одном из своих обращений к читателям [3. 1904. № 3651. 20 февр.]. Собственные передовые, перепечатки из центральных газет, телеграммы Торгово-телеграфного (Санкт-Петербургского) агентства (поставившие более оперативно, чем телеграммы РТА и стоившие редакции ежемесячно до 1 т.р.), позволяли читателям уже через день-два узнавать о происходящем в Порт-Артуре и Маньчжурии. С апреля 1904 г. в газете стали печататься фотографии русских крепостей и боевых кораблей, героев обороны Порт-Артура, генералов и рядовых солдат, а также подробные карты театра военных действий. Значительное место уделялось влиянию военных действий на положение населения в ставших прифронтовыми восточно-сибирских губерниях и областях – первоначальные сообщения о народных манифестациях, молебнах о скорой победе, записях добровольцами и торжественных проводах призвынников сменились списками убитых и раненых, тревожными публикациями о нехватке рабочих рук в деревне, росте цен на продовольствие, борьбе со спекулянтами, проблемах с расквартированием прибывающих воинских частей, раненых и больных. Регулярными стали сообщения о сборе средств на нужды армии и Красного Креста (в том числе и редакцией «Иркутских губернских ведомостей»). Так же, как и в 1900 г., в связи с военными действиями в Китае, война 1904–05 гг. привела к резкому спросу на газеты среди широких слоев сибирского населения [5. С. 121]. Общее количество сибиряков, взятых на службу в действующую армию во время русско-японской войны составляло 200 тыс. человек, а явка призвынников, не имеющих льгот, достигала 100% [6. С. 7–12.]. Оптимистическая оценка перспектив военных действий оставалась преобладающей на протяжении всего 1904 г. даже



после череды неудач русской армии на суше и на море, которые рассматривались как временные затруднения. Сдача Порт-Артура, поражение под Мукденом и разгром Цусимской эскадры вскрыли искаженный характер «образа врага», в котором «вместо смешного полудикаря, побезьяньи копирующего внешние формы европейской цивилизации, пришлось увидеть прекрасно организованного, вооруженного всеми усовершенствованиями современной боевой техники и сильного духом противника» [3. 1905. № 3945. 1 янв.] Гнетущая атмосфера приближающегося поражения оттенялась сообщениями о геройских подвигах русских солдат (и особо – солдат сибирских губерний) в кровопролитных и неравных сражениях. В общем отношении к войне произошла смена идеологии от «победоносной» к «трагичной», «злосчастной», «несчастной» для России. О падении Порт-Артура «Иркутские губернские ведомости» известили своих читателей в начале января 1905 года [1905, № 3947, 4 января]. Описание обстоятельств и причин сдачи «неприступного оплота» на Дальнем Востоке смешалось с тревожными сообщениями о событиях 9 января в столице.

Итак, сибирские губернские ведомости длительное время остававшиеся единственными региональными периодическими изданиями, наряду с освещением в неофициальных частях местной жизни, также обращались к внешнеполитическим событиям, в контексте реакции на них сибирского общества и сообразно с правительственной точкой зрения, изложенной в «головных» для ведомостей правительственных изданиях. Избирательность и фрагментарность таких сообщений сменилась более широкой панорамой и проблематизацией (применительно прежде всего к Сибири), в связи с сотрудничеством сибирских ведомостей со столичными телеграфными агентствами и их выходом по расширенной программе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томские губернские ведомости.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г.
3. Иркутские губернские ведомости.
4. Енисейские губернские ведомости.
5. Зверев В.А., Зверева К.Е. Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861–1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1999.
6. Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2.